

*Посвящается Биллу Пиккирилли.
По той причине, что в этом романе братьям
изрядно достаётся.*

ГЛАВА 1

«*Я* бы никогда не причинил тебе вреда», — сказал он, беря меня за руку — и причиняя-таки...

Ярость обвилась вокруг моей шеи, мягкая и теплая, шепча на ухо, будто все грехи, которые я когда-либо совершил, вернулись насладиться новым соблазном.

Я только что расстался с Линдой и направлялся в Монток-Пойнт. Ночь с ее пронизывающим осенним холодом не могла обуздать мои одиночество и вспыльчивость. Двухчасовая поездка до мыса не несла никакой пользы, но я хотел на некоторое время отрешиться от всего остального мира. Это было необходимо. Никто не хочет находиться рядом с писателем с разбитым сердцем, особенно когда тот только что прочел о пятнадцати самых эффективных способах убийства.

Итак, я вез свое разочарование в Монток, где мог смотреть на маяк и волны. Было приятно находиться на оконечности Лонг-Айленда, лицом к Португалии, удаленной на расстояние тридцати с половиной тысяч миль через Атлантику, в одиночестве и темноте, где только ветер воет. Даже в самые жаркие летние дни можно было простудиться, лежа на местных обледенелых валунах. Но валуны спасали меня от страха и депрессии, и я мог относиться к ним так, как больше не мог — к своей девушке.

Стоял октябрь. Поганый маятник разлада раскрутился в середине месяца и, надеюсь, не продлится до Хэллоуина. Опаль, взлетая с дороги, бешено хлестала меня по капоту, когда я проезжал мимо указателя на Вест-Хэмптон, хлебосольный городок, где мы с Линдой впервые занялись любовью. Мы возили ее сына Рэнди вверх по Норт-Форку в «Тыквенный сад», по совместительству контактный зоопарк в Саутхолде; ему нравилось кормить животных,

кататься на пони, сражаться с гоблинами и ведьмами в «Павильончике ужасов». Хотя, думаю, мне это место понравилось даже больше, чем ему. Рэнди было три года, и я задавался вопросом, когда этот парнишка начнет обращаться ко мне, а не к Португалии, своими задорными окриками.

В зоопарке мы провели чудесный день. Там была лама по имени Фрэнки, которая влюбилась в меня с того момента, как я прошел мимо и скормил ей горсть кубиков сахара. Остаток дня она сама ходила за мной по пятам по всему зоопарку. Линда, рассмеявшись, назвала меня «Папа-Лама», потянулась ко мне с губами бантиком, будто желая поцеловать, а затем убежала с Рэнди на руках. Оба хихикали и повторяли: «Папа-Лама! Папа-Лама!»

Жизнь с Ламой Фрэнки не могла быть намного хуже того, через что мы с Линдой в итоге заставили друг друга пройти. Я не знал, как и когда мы умудрились свернуть не туда. Мои мысли метались по черной дороге, как силуэты детей, бегущих перед машиной. Рассветное шоссе убегало прочь. В третий час этой темной ночи весь остальной мир вел себя куда умнее меня, оставаясь в постели и сворачиваясь калачиком под одеялом рядом с другим теплым телом. Загудел сломанный вентилятор моего обогревателя. Оглушающий зацикленный рев помог облегчить боль — так у меня хотя бы появился повод три-четыре раза хорошенько врезать по приборной панели.

Ветки хрустели, ломаясь под колесами. Наступив на акселератор, я разогнал машину до девяноста пяти. Побрякивание пива в холодильнике на заднем сиденье напомнило мне о других поездках, которые я совершал после других неудачных отношений; о том, как я начинал писать новые книги, сидя на холодном камне у подножия маяка. К восходу солнца у меня должно быть две вещи — помутнение рассудка от алкоголя и записная книжка, исчерканная обрывками идей и строфами дрянной поэзии. Если все пройдет по плану — значит, все будет хорошо.

Может, меня лишь ранили, а может, и грохнули в упор — бывают такие моменты, когда нельзя сказать наверняка, что именно с тобой творится. Бывает так, что и разницу не особо хочешь замечать между легким уроном и фатальным.

Мой двигатель взвизгнул, и я разогнался до ста пяти, заставив оси скрипеть, а мотор — работать на износ. Я все ждал кого-то или чего-то — хоть что-нибудь должно было случиться со мной: голос с небес, ангел с пылающим мечом, воспаление толстой кишки или хотя бы съезд в кювет.

Время от времени колющая боль пронзала меня чуть повыше пупка; я с трудом сдерживался, чтобы не застонать и не поджать колени. Я сбросил скорость до семидесяти пяти и покатил по гравию, когда шоссе сменилось извилистой дорогой. Разгневанные налогоплательщики повесили на мосту

табличку, призывающую всех нас «ПОКИНУТЬ НЬЮ-ЙОРК, ПОКА ЕЩЕ НЕ СЛИШКОМ ПОЗДНО». Подземный съезд был весь усеян раздавленными хэллоуинскими тыквами.

Обогреватель продолжал гудеть. Я ехал по дороге в Монток-парк, вспоминая, как мы с отцом играли в вифбол и ели хот-доги с большим количеством чили в тот день, когда полиция раскопала наш задний двор и мой брат Д. Б.¹ был убит. Мой отец всегда являлся воплощением ловкости и безумия — его не хотелось жалеть, как обычно бывает с раковыми больными. Я не сожалел о том, что он вызвал полицию и заманил Д. Б. в ловушку. Мне было только жаль, что его план отвести от себя подозрения сработал относительно хорошо, и мой брат в одиночку взял вину за убийства на себя.

Ему, конечно, не дали дожить век спокойно. Репортеры и детективы следили за нашей семьей в течение многих лет, но не смогли собрать достаточно улики. Зато книг об этом деле в жанре «тру-крайм»² настроили добрую дюжину. Я прочел их все, лучшей до сих пор считаю «Бег бешеных псов». Д. Б. начинал с собак, прежде чем перейти к детям.

Живя менее чем в миле от кладбища, где похоронен мой отец, я, как правило, через него прохожу — даже на утренней пробежке, даже по пути в пиццерию. Частенько болтаю с его надгробием. Слишком много задаю вопросов — и все еще слишком сильно пекусь об ответах, которые так и не получил.

Сидеть там, на могильном камне, и разговаривать с ним вслух было совсем не то же самое, что вспоминать часы, которые я провел, дежуря у его смертного одра и изо всех сил стараясь не рассмеяться. Кладбище время от времени служило источником вдохновения: поскольку я — последний и самый младший отпрыск, оно часто заставляло меня размышлять о собственной смерти, воображать собственное имя на памятнике. *Натаниэль Фоллоуз*³. Даже наша фамилия звучит так, будто все мы должны идти по одному пути, увлечь одного за другим. В общем-то, это фамильное свойство даже

¹ Скорее всего, аллюзия на одноименного персонажа повести «Над пропастью во ржи», старшего брата Холдена Колфилда, ставшего сценаристом в Голливуде. Так как Холден, как и Натаниэль из данного романа, называет его только по инициалам, его полное имя остается неизвестным — но у исследователей творчества Сэллинджера имеется предположение, что D.B. — это не сокращение имени, а аббревиатура dear brother, «дорогой брат». — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

² True crime (англ. настоящее преступление) — жанр кино и литературы, в котором авторами анализируется реально произошедшее преступление (или серия преступлений) и действия людей, связанных с ним.

³ Follows (англ.) — «следует», «следующий».

помогало — в планировании убийств, раскрытии преступлений, а также в создании и развенчании образов маньяков-психопатов в моих книгах.

Я наделил своего вымышленного детектива Джейкоба Браунинга светскостью, коей у меня самого с роду не было. Это привело к странному конфликту между нами, поскольку у него всегда было преимущество в опыте, утонченности, низости и животном магнетизме. В свою очередь, я убил его дважды — и дважды же воскресил, но большинство читателей моих книг, похоже, не возражали против такой игры. Если Артур Конан Дойл смог вернуть с того света Шерлока Холмса, а Ян Флеминг — Джеймса Бонда, то время от времени и я мог позволить Джейкобу Браунингу выпасть из окна десятиэтажного дома и приземлиться на спасительный батут.

Струющаяся, накатывающая ярость горячечно шептала мне что-то на ухо: *ага, ага, давай-давай.*

Я припарковал машину в укромном месте у границы зарослей и достал с заднего сиденья переносной холодильник, фонарь на батарейках, записную книжку и пару одеял.

Маяк был невелик и не работал уже много лет; еще сам Джордж Вашингтон приказал его построить, и за последние два с половиной столетия береговая линия настолько размылась, что ныне конструкция находилась под угрозой падения в океан.

Я устроился на камнях, включил фонарь и начал пить, наблюдая за волнами в лунном свете и слушая плеск. Я прокручивал в голове старые разговоры, все еще цепляясь за горечь, и это угнетало меня; погружение в работу было защитным механизмом, который ломался так же легко, как и работал.

Самобичевание не продлилось долго; в какой-то момент я от него устал. Слова так и закружились в вихре. Я допил свое пятое пиво одним глотком. Блокнот раскрылся на пустой странице. Я бы втянул частного детектива Джейкоба Браунинга в несколько неприятных передраг, и он уложил бы всех женщин, которых я сам желал, в постель, и отстаивал бы ту правду, которой, как я знал, не существовало. Его мускулы были бы рельефны, щетина — брутальна, и он смог бы в один присест уговорить бутылку бурбона, не выблевав ее где-нибудь в следующей подворотне. Браунинг, суровый патрульный улиц, имел полное право называть людей вроде меня слабаками или задротами — и получать за это, с моей легкой руки, пинки по яйцам и пули в разные мягкие части тела.

Волны атаковали меня, совсем как недавно — Линда. Ветер трепал мои волосы, падавшие на глаза, пока я делал предварительные заметки, обводя предложения в какие-то странные рамки, формой напоминавшие губы моей бывшей. Угрюмое выражение, видимо, настолько прилипло к моему лицу,

что за последние несколько часов я стал отчетливо ощущать сетку морщин у себя на лбу.

Здание маяка просвистывалось ветром сверху донизу, прогневшие верхние балки были усеяны разваливающимися птичьими гнездами. Я изо всех сил старался не позволять своим мыслям блуждать в темноте, хотя ничто другое не задержалось у меня в памяти, кроме губ Линды. Море одновременно и приковывало, и рассеивало мое внимание. Языки тумана поползли по моим ногам, коснулись груди; ярость внутри снова всколыхнулась без внятной на то причины.

Я заскрежетал зубами, отхлебнул еще пива и поперхнулся.

Битый час я таранился на воду, прежде чем снова взяться за текст романа. Кое-как мысли оформлялись в предложения — связные, но невероятно громоздкие, уродливые. Моя задумка выглядела ходульно и неестественно, но пару запутанных очередных убийств для Джейкоба Браунинга я таки придумал. К третьей главе супердетектив уже и потрахать успел, и по ребрам ему засадили ломом... неплохо, неплохо. За двадцать минут углубления в историю мой стиль постепенно выровнялся, стал более удобоваримым.

Я встал, потянулся и бросил пару камешков в черный океан. Какая-то часть меня хотела расплыться в улыбке, но я себе этого не мог позволить. Уж лучше думать сейчас о том, как утопиться ко всем чертям. Я даже пораскинул мозгами насчет того, как это все максимально эффективно устроить... а потом махнул рукой. В голове у меня сидело уже достаточно смертей. Вполне хватит на новый роман.

Ветерок пронесся мимо и подхватил страницы моего блокнота, переворачивая их все быстрее и быстрее на моих глазах. Наконец блокнот поехал по скользким камням. Тогда я попытался его схватить — и промахнулся. Вскарабкался на гряде валунов — и сграбастал его. Ну что ж, хотя бы мои потуги не унесло в океан.

Когда я повернулся в ту сторону, где сидел, то заметил, что на песке, примерно в сотне ярдов от меня, мерцает небольшой походный костер. Я отступил назад, чувствуя себя неловко и слегка рассерженно — как если бы в мое личное пространство кто-то без спросу вторгся.

Молодая женщина сидела у костра, будто еще один кусок скалы, силуэт, вырезанный из тени, высеченный из ночи. Обхватив руками колени, она глядела на пламя. Из-за скал ее не очень-то хорошо было видно с моего места.

Я колебался, не уверенный в следующем шаге: должен ли я его сделать, должен ли он вообще быть. Очевидно, она жаждала одиночества так же сильно, как и я. Глядя на маяк, я подумал: «Вообще-то, я не хочу быть один».

Изоляция — все-таки давящая штука, это не просто временное отрешение от общества. В изоляции процесс заживления душевных ран протекает медленно и неустойчиво.

Я не хотел ее пугать, а любой парень, сидящий у маяка в половине пятого морозным утром, должен был быть, по крайней мере, немного сумасшедшим. Но опять же, она и сама сюда зачем-то явилась.

Может, это *мне* следует испугаться.

Я прикусил внутреннюю сторону щеки, ожидая, что выступит кровь, но знакомый медный вкус во рту так и не появился. Любопытство разгорелось до такой степени, что моих скромных писательских сил сдерживать его уже не хватало, поэтому я подошел к холодильнику, схватил еще одну бутылку и громко откашлялся, держась на расстоянии от незнакомки — в надежде, что она не подумает, будто я подкрадываюсь к ней. Когда я увидел, что она смотрит на меня, я подошел, протянул ей пиво и сказал:

— Привет.

— Привет, — отозвалась она, принимая подношение с тихим смешком. — Я заметила тебя, как только пришла сюда, но ты выглядел увлеченным — не захотелось беспокоить тебя. — Ну что ж, она хотя бы не слышала, как я ору сам на себя. — Но я понимала, что нам рано или поздно придется переговорить. Не выйдет делить с кем-то пустой пляж в такой час — и никак не представится друг другу. — Она хихикала громко и пронзительно, но, о чудо, это даже не действовало мне на нервы. Сделав пару больших глотков, незнакомка подержала пиво во рту, прежде чем проглотить. — Поздние часы здесь всегда торжественны. Ни одной живой души нет, но красота при том — неопишуемая, и маяк всегда выглядит так, будто без него здесь ничего не произойдет.

Я не согласился, но вслух сказал:

— Да, я понимаю, о чем ты. — Языки пламени отбрасывали причудливые тени на ее лицо, и она вздрогнула, когда по телу пробежал озноб. Наблюдая за ней, я тоже ощутил этот внезапный холод.

— И еще мне нравится, что отсюда до Франции словно рукой подать, — добавила она.

— До Португалии, — поправил я, кивая и при этом мысленно описывая ее, уже переводя свою первоначальную реакцию в слова, задаваясь вопросом, была бы она подходящей героиней в какой-нибудь истории — или подходящей жертвой.

На вид ей было лет двадцать, а может, и ближе к восемнадцати; одета она была в огромный свитер, который был не настолько свободным, чтобы не заметить, что у нее приятная, компактная фигура. Джейкоб Браунинг,

возможно, назвал бы ее «помидоркой» и трахнул бы еще до того, как голубизна возвратилась на небо.

Я подумал, что она невероятно милая, а милые девушки в моих глазах — чуть более представительные и гораздо менее пугающие, чем красивые. У меня и в мыслях не было заниматься с ней любовью в течение следующих полутора часов, но ярость сдавила мне пах.

Поначалу она казалась мне похожей на Линду; все женщины составляли ее образу прямую конкуренцию — в каждом лице я различал ее лицо некоторое время, и лишь потом морок спадал с глаз и чужие черты обретали собственную реальность. Губы девушки были полными и сочными, но не такими чувственными, как у Линды; ее глаза блестели озорством и умом, но не казались такими глубокими. Самое главное — я не испытывал к ней ненависти.

— Так в чем же все-таки дело? — спросила она, опуская вступительную часть нашей светской беседы, за что я был даже благодарен. — Зачем ты пришел сюда и разыгрываешь стойка? Я еще никогда не видела ни у кого такой тяжелый взгляд.

— Я сам не знаю, что здесь забыл, — ответил я.

— Не думаю, что это так, — мягко возразила незнакомка. И была, конечно, права.

— Так и есть, — стоял я на своем.

— Подозреваю, кто-то разбил тебе сердце?

— Ладно, твоя взяла. Допустим.

— Ее вина — или твоя?

Я сел напротив нее у костерка.

— Немного и того, и другого, но я просто принимаю желаемое за действительное, скорее всего. Ей нужна была независимость, а я оказался эмоционально незрелым. Кроме того, после того, чему меня научили мой отец и брат, я слишком боялся за ее сына.

— Вот это поворот! — Она рассмеялась, и я удивился тому, что уголки моего рта тоже поползли вверх; показалось, будто кто-то пальцами надавливает мне на лицо. — Твои друзья посмеялись над проблемами с ней или ты сказал им, что она хочет остепениться, а тебя вся эта фигня пока не интересует?

Ее циничный тон казался наигранным, но с этим я мог и ошибаться — как ошибался уже раньше.

— Похоже, у тебя самой непростые отношения с противоположным полом, — заметил я, на что девушка неопределенно махнула рукой.

— Может быть. — Она отпила немного пива и спросила: — Что ты там нацарапал у себя в тетрадке? Или этот вопрос уже является вторжением в частную жизнь?

Я пожал плечами. Мне никогда не нравилось признавать, что я писатель, потому что люди неизменно не читали моих книг и никогда не собирались этого делать. Я бы ничуть не возражал против этого факта, если бы только мне так часто не бросали его в лицо. Но в ее глазах непреходяще-просительное выражение казалось таким искренним, что я даже не смог отшутиться по-быстрому, глядя в них.

— Я писатель.

— В самом деле? И как тебя зовут?

— Папа-Лама.

Волны ревели рядом с нами. Они звучали и даже пахли, как какие-то разгоряченные животные. Девушка улыбалась будто бы застенчиво, если не приглядываться, но у этой ее улыбки имелось несколько лукавое второе дно — совсем как у меня самого.

— Ага, — протянула она. — Подожди секунду. Это же ты написал «О ламах и людях»?

— Да-да, я. А еще — «Ламу леди Чаттерли».

Огонь начал угасать. Мы прогулялись по близлежащим дюнам и собрали столько плавняка и веток деревьев, сколько смогли. Мой желудок скрутило. Боль пронзила снова, и я чуть не упал ничком. Я вернулся, собрал холодильник, фонарь и одеяла и перенес их к ее костру.

Мы сидели под одеялами, и я обнаружил, что говорю непринужденно. Я рассказал ей про то, что трещины на моем потолке похожи на профиль Люсиль Болл⁴; про ужасные вафли моей матери; про сломанный податчик бумаги в моем принтере; про то, что у меня есть экземпляр «Вопля» с личным автографом Аллена Гинзберга (подписанный лично Алленом Гинзбергом). Я поведал ей об учебниках по криминологии, которые изучал, и о том, как плохо себя чувствовал, когда мой старый пес умер. Гомеру было четырнадцать, и он ослеп так же, как и его тезка, и теперь каждый день я видел, как Улисс и Ахиллес обнюхивают и шарят под диваном, разыскивая его. Я не говорил о Линде. Где-то между делом я назвал ей свое имя, и она сказала мне, что ее саму зовут Сьюзен Хартфорд.

⁴ Люсиль Дезире Болл (1911–1989) — американская комедийная актриса, певица, модель, исполнительный продюсер и руководитель студии. Она была звездой ситкомов собственного производства «Я люблю Люси», «Шоу Люси», «Жизнь с Люси», а также комедийной телепрограммы «Час комедии Люси-Дези».

Разговор принял странный оборот, потому что она начала плакать в какой-то момент, и к тому времени я был достаточно пьян, чтобы разразиться слезами за компанию с ней — если бы только мог. Яркие воспоминания потеряли остроту, расплылись и притупились. Привкус крови у меня во рту усилился. Я обнял девушку, и она заплакала у меня на груди, не потрудившись объяснить, в чем же дело. Утешительных слов у меня не нашлось, так что я смолчал. Треск костра и рев волн послужили лучшей отрадой. Несколько раз Сьюзен что-то бралась говорить, но потом, крепко сжимая губы, загоняла это все в себя, подавляя стон. У нее такие вещи явно получались лучше, чем у меня.

— Ты не понимаешь, — наконец выдавила она.

Я чуть не рассмеялся.

— Да, не понимаю.

— Дела плохи.

— Согласен.

— Реально плохи.

— Хуже, чем вафли моей матушки?

— Да, — сказала она.

— О-о-о.

— Ты не поймешь, — повторила она.

— Хорошо, — откликнулся я.

Секунды тянулись медленнее, чем раньше. Сьюзен посмотрела на меня так, что у меня перехватило дыхание. Она грустно усмехнулась, как человек до того пресыщенный моментом, что и осколки стекла показались бы такому легким блюдом. Ее рука поднялась, чтобы коснуться моей щеки, но пальцы застыли в воздухе, будто уткнувшись в стену.

Этот единственный жест, как и другие движения, имел большее значение. Никогда в жизни я ни в чем не был так уверен, как сейчас. Я не знал, в чем заключалось это значение, что оно повлечет за собой или в чем будет его смысл для меня в конце концов, но силы, стоящей за этим, было достаточно, чтобы отрезвить меня.

Она перестала плакать, и ее глаза утратили умоляющий блеск, вдруг стали жесткими и измученными — старыми, потасканными и больными. Возможно, мой собственный взгляд выглядел еще хуже... но, может, и нет. Я протянул руку к ней, чтобы завершить жест. Когда я подошел поближе, чтобы наши пальцы переплелись, она уронила кисть на колени.

— Тебе бы это все показалось такой чепухой, — сказала Сьюзен.

— Что ж, попробуй выговориться. Чепуха и я — старые друзья.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	57
Глава 6	72
Глава 7	83
Глава 8	96
Глава 9	105
Глава 10	117
Глава 11	132
Глава 12	147
Глава 13	163
Благодарности	176

Литературно-художественное издание

ТОМ ПИККИРИЛЛИ

ОСКОЛКИ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 12.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2